

ИНДИВИД, СЕМЬЯ, ОБЩЕСТВО

DOI: 10.25990/socinstras.pss-22.17y3-7j95
EDN: ZTONER
УДК 316.346.36

А. Г. Щёлкин

ФЕНОМЕН «ОТЦЫ И ДЕТИ»: УТОЧНЯЯ ТЕКУЩИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Принято считать, что феномен «смена поколений» характеризует именно «современный» тип социума. Для «традиционного» общества «смены поколений» не существует. Онтологический подход позволяет, однако, понять, что «современность» в «современных обществах» совсем не достигается формальной «сменой поколений». Поколения могут меняться, но общество от этого может оставаться далеко не «современным». Почему? Онтологический подход содержит ответ на этот вопрос.

Ключевые слова: смена поколений, онтология, «значимое поколение».

ALEXANDER G. SCHELKIN

THE “FATHERS AND SONS” PHENOMENON: CLARIFYING CURRENT IDEAS

It is generally accepted that the phenomenon of “generational change” characterizes precisely the “modern” type of society. For a “traditional” society, “generational change” does not exist. The ontological approach allows us, however, to understand that “Modernity” in “modern societies” is not at all achieved by a formal “change of generations”. Generations may change, but society may still remain far from “modern.” Why? The ontological approach contains the answer to this question.

Keywords: generational change, ontology, “significant generation”.

Отцы — содержание без силы,
дети — сила без содержания.

И. С. Тургенев

Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало менее требовательным и еще менее счастливым — и абсолютно не готово к взрослой жизни и что это значит для всех остальных?

Дж. Твенге.

Поколение обладателей айфонов

Феномен «поколение»: когда мнения социологов расходятся

Понять характер развития социума и его исторический прогресс через феномен «смены поколений» — вполне оправданная попытка, которую мы наблюдаем с определенных пор у ряда социологов. У нас большие надежды на эту тему возлагал Т. Шанин (Отцы и дети 2005). Для него феномен «отцов» и «детей» оставался индикативен как, собственно, в семейном, так и социальном масштабах. С этой точки зрения разница «состояний» смежных поколений как будто бы является живым свидетельством социума в его цивилизационном и, опять же, прогрессивном измерении. Т. Шанин был вполне убежден, что всякое (другое) поколение наглядно демонстрирует наблюдателю «как собственно через категорию „поколение“ важнейшие элементы „цивилизации“, механизмы репродукции культуры [...] манифестируют себя не сами по себе, не абстрактными „институтами-учреждениями-структурами“, а именно „на уровне индивидуумов“» (Отцы и дети 2005: 27), на уровне индивидуальных биографий, на уровне «человеческого материала».

Не отождествляя человеческую субстанцию «поколение» с упомянутыми институтами-учреждениями-структурами, многие авторы склонны трактовать феномен «поколения» в духе «активистской школы» Э. Гидденса и П. Бурдьё. Иначе говоря, попытка увидеть в «поколении» то человеческое «агентство», через которое «работает» История и Современность, — с точки зрения профессора Т. Шанина, не лишена своего эвристического основания.

При этом обращает на себя внимание тот факт, что многие авторы подходят к феномену «поколение» как такому «социальному образованию», которое по своей организационной и материальной «прочности»

не уступает таким «устойчивостям», как «социальный институт», «организация», «класс» и т. д. Достаточно сослаться на мнение двух известных авторов «теории поколений» В. Штрауса и Н. Хоува о том, что влияние поколенческого фактора «столь же могущественно (а мы считаем, и более могущественно), как экономические и социальные классы, расы, пол, религии и политические партии» (Strauss, Howe 1991). Другой американский социолог, Л. Фойер, еще раньше прибег даже к дерзкой параллели: «История всех до сих пор существовавших обществ есть история борьбы между поколениями» (Фойер 1969).

И, конечно, обзор адептов и сторонников взгляда на «новое / молодое поколение» как одного из главнейших факторов «модернизации» социума будет неполным, если не сослаться на икону американской «культурной антропологии» М. Мид. В своей классификации внутрипоколенческих отношений (по такому критерию, как «кто у кого учится своему будущему») она выделяет не только случай «традиционного общества», когда передача знаний идет почти исключительно от взрослых к детям (в мидовской классификации это «постфигуративное общество»), но и тот вариант, который отвечает природе «современного общества», где убедительно присутствует передача знаний от детей к взрослым (в редакции, предложенной М. Мид, это кейс «префигуративного общества»).

Вместе с тем другие социологи — среди них и отечественные, такие как Ю. Левада и Вл. Ядов (Отцы и дети 2005), оценивали более осторожно и даже критически возможности «молодого поколения» быть маркером и источником «позитивных» изменений в жизнеустройстве человеческого общества. Действительно, идейная и экзистенциальная устойчивость «молодого поколения» в противостоянии консервативным порядкам часто не выдерживает социальных и политических испытаний: протест нередко заканчивается конформизмом и уходом в гражданское небытие. Например, о мгновенном исчезновении поколения декабристов писал А. Герцен: «Когда Чаадаев возвратился [после восстания декабристов], он застал другое общество и другой тон [...]. Аристократическая независимость, гвардейская удаль александровских времен — всё исчезло с 1826 годом» (Герцен 1975: 224).

О том, что «поколению» часто не хватает онтологической, «сущностной» упроченности в жизни общества (а если даже такая обоснованность и налицо, то превосходящие силы властного истеблишмента и «молчаливого большинства» легко сводят на нет значимое присутствие такого «обоснованного» поколения), — этому достаточно свидетельств и в более свежие времена. Причем наблюдается устойчивая

закономерность: авторитарные и недемократические режимы используют откровенный аппарат насилия в противостоянии тому «поколению», которое несет в себе «программу будущего» — конкретно, программу либеральных и демократических ценностей. История восхождения и поражения поколения «детей XX съезда» и последующего диссидентства — тому хрестоматийный пример. В то же время в странах западной демократии можно наблюдать другой, скорее ненасильственный, способ «выяснения отношений» с «протестующим», «антисистемным», «анархическим», «либеральным» и т. д. поколением. Здесь чаще всего имеет место «мелиорация» социума без «революций» и слома базовых институтов. «Революция студентов» в конце 1960-х в США и Западной Европе, с одной стороны, способствовала прогрессу в области гражданских прав населения, а с другой стороны, не сопровождалась государственным террором и насилием над протестующей молодежью. Более того, мы наблюдаем «социализирующий» эффект «системы» в отношении «бунтующего поколения». Яркой иллюстрацией могла бы служить история смены образа мыслей и жизни с послевоенных времен в американской молодежной среде — «хиппи», «иппи», «яппи».

«Хиппи» — это генерация молодых американцев, которая, не выражая четких политических требований, удалась от буржуазного образа жизни в мир рок-культуры, свободных сексуальных отношений, бродячего или «общинного» времяпрепровождения. Это как бы потерянное для «системы» поколение 1950–1960-х гг. «Иппи» (1960–1970-е гг.) заявили себя более категорично и с заметной претензией на политический активизм (борьба против войны во Вьетнаме, участие в выборах центральных и местных властей и проч.). Выступления носили откровенно театрализованный и аффективный характер. Властный истеблишмент, однако, не сильно затрудняясь, одерживает победу. Бунтари и протестанты превращаются в «яппи» (с 1980-х гг.) — успешных бизнесменов и предпринимателей. Американец Джерри Рубин (1938–1994) — пример такой трансформации. В 1960-е он кумир бунтующей молодежи. Пишет книгу «DO IT!» с характерным подзаголовком «Сценарии для революции». Собирает многотысячные митинги, а уже в начале 1980-х становится биржевым маклером и заявляет: «Зарабатывать деньги — это нормально!»

И еще раз для сравнения двух способов «умиротворения» «поколенческого» сопротивления. Русский декабрист писал из ссылки в Сибири: «Теперь в официальных бумагах называют меня: государственный преступник <...> В Англии сказали бы: Лунин, член оппозиции» (Парсамов 2016).

Что следует понимать под субъектностью «поколения»?

Как бы там ни было в связи с упомянутым желанием части социологов видеть в «новом» поколении «индикатор» социальной динамики развития социума, встает вопрос о том, насколько сущностно, онтологически «укоренено» всякое «новое поколение» в структуре социального бытия. Прочность всякой генерации в этом случае складывается из двух условий. Во-первых, насколько «новые люди» способны выражать «вызовы времени», «момент истины», «дух времени», образ «потребного будущего» и проч. И, во-вторых, насколько остальная часть социума («властные структуры» и, так сказать, «народные массы») готовы «легитимизировать» (признать и даже призвать) миссию «нового поколения». Здесь как раз кроется загадка и разгадка *субъектности* всякого поколения. В случае «декабристов 1825 года», похоже, указанные условия их субъектности не совпали в том смысле, что декабристы были ближе к «моменту истины» и «духу современности», чем «остальное общество».

В целом же, когда мы ищем признаки субъектности поколения, мы, собственно, решаем вопрос: «субъекты» представляют только самих себя и не несут в себе никакой «императивности самой действительности», или же данные «субъекты» суть в лучшем случае «персонажи повседневности», то есть пребывающие вне значимой социальной и исторической размерности, суть «неукорененные» натуры, в худшем варианте — чистые анархисты? Таким образом, в полном соответствии с классической методологией, всякую субстанцию (вещь, феномен) надо, действительно, брать под знаком ее (возможной) субъектности, опять же активности, которая вместе с тем не произвольна, а является выражением «объективного», «субстанционального», как говорил еще Гегель.

Другими словами, «поколение», как человеческое, субъектное сообщество, только в том случае может быть показателем (цивилизационного) «обновления общества», если оно представляет собой не только самое себя, но и нечто большее. Это «нечто большее» обозначают по-разному: «Zeitgeist» (Гёте), поколение, «олицетворяющее зрелость своей эпохи» (Ортега-и-Гассет), поколение, «задающее тон», генерация «ключевых», «универсальных» интенций. На социологическом наречии этот сущностный подход закрепился сегодня в виде такого выражения, как «значимое поколение». Сообщества людей, не отвечающие этому онтологическому критерию, хотя и существующие совместно и одновременно (синхронно) с таким «значимым поколением», можно сказать, не подпадают под категорию «поколение». Их можно классифицировать как просто «присутствующие», о которых легендарный Гераклит

говорил с характерной аттической щепоткой соли: «присутствуя, они отсутствуют», а Виктор Шкловский в сугубо научной манере называл «синхронистами» (Отцы и дети 2005).

Субъектность поколения предполагает и такой закономерный вопрос со стороны социолога: а что, собственно, делает «поколение» целостной и неделимой «социальной вещью / предметностью», что позволяет феномену «поколение» отличаться от других социальных феноменов, например таких, как класс, семья, сетевое сообщество и т. д. При этом очевидно, что упроченность и цельность обеспечивается, например: класса — собственностью (на средства производства), разделением труда и проч.; семьи — характером биологического родства, культурным кодом, сопровождающим воспроизводство и функционирование семьи и проч.; сетевого сообщества — средствами коммуникации и проч. Иначе говоря, обеспечивается вполне предметно ощутимыми средствами. «Поколение» же, как его понимают в общественных науках (в отличие от демографического понятия «когорты»), «держится», воспроизводится, конструируется идейными средствами, паттернами сознания и поведения и даже «модой на поколение». И в этом смысле поколение — это дух поколения. И поэтому поколение как социальный феномен уязвимо настолько, насколько *неадекватен* «злобе дня» и тем более «выбираемому будущему» этот самый багаж поколения (дух, идеи, сознание, психология). И, наоборот, «упроченность», «значимость», «судьбоносность» поколения обеспечивается *адекватностью* представлений и образов сознания «потребному будущему» у этого поколения.

Отсюда, между прочим, и склонность некоторых социологов, сравнивая «удельные веса» социальных институтов и социальных поколений, отдавать предпочтение «институтам-учреждениям-структурам» с их «реифицированной» (овеществленной) инфраструктурой в противоположность паттернам сознания и поведения в случае феномена поколения. По-видимому, отсюда и разница позиций исследовательского пафоса у Т. Шанина, с одной стороны, и у Ю. Левады и В. Ядова — с другой. Т. Шанин — больше с надеждой на прозренческую, мобилизующую силу сознания «нового поколения». Ю. Левада и В. Ядов — возможно, с более трезвой оценкой силы и возможностей «систем» и «структур», особенно «властных» систем и структур, и тем более в случаях «властных» систем и структур, не подпадающих под категорию «демократических». Не случайно проф. Левада в какой-то момент заговорил о «фантомных категориях», к разряду которых он стал относить и категорию «поколение». Точнее, так: «само перенесение на общественные процессы понятийного аппарата, характерного для рассмотрения „фамильной“ преемственности, приводит к ряду мнимых конструкций. Таковыми, например, являются

„смена“, „конфликт“, „разрыв“ поколений» (Отцы и дети 2005: 235). Это, конечно, не означает умаления Ю. Левадой «поколенческой тематики», а, напротив, ей находится не «альтернативное», а «дополняющее» место и функция в дискурсе, касающемся «обстоятельств социально-исторического развития [социума]» (Отцы и дети 7: 236).

В противоположность «человеческим генерациям», чья субъектность состоит, как уже говорилось, в практической активности и рефлексированном сознании, «структуры» «не орут» и «не выходят на площади». «Структуры» («социальные отношения» — по старой марксистской лексике) осознаются, оцениваются «субъектами» текущего «поколения». Так что «поколения» не просто как простодушные жертвы проживают (часто для себя даже счастливо) свою жизнь как все те же «синхронисты», но, повторим, суть живые и коллективные субъекты истории.

«Нынче к упадку идут времена» (Лукреций)

Вместе с тем деление поколений на «онтологистов» (онтологически значимых представителей) и «синхронистов» (просто «присутствующих», «сопровождающих») не единственное деление и классификация человеческих генераций. Речь идет, собственно, о двух сценариях «смены поколений». Оба варианта легко прослеживаются как в масштабности истории социума в целом, так и в миниатюре фамильной (семейной) эволюции поколений.

Обе модели в социологии получили название, соответственно, «феномен Т. Джефферсона» и «динамика Будденброков». Первый случай соответствует очевидному сценарию — именно «смена поколений» разрушает консервативную устойчивость «традиционного общества» и дает шансы для развития лучших качеств и фазисов человеческого сообщества в лице «общества модерна» в самом широком смысле этого слова. Данный сценарий носит «идеальный» (он же «нормальный», он же «классический» / «сущностный») характер, полный еще первоначального пафоса Просвещения, и передается словами, приписываемыми третьему американскому президенту Т. Джефферсону (1743–1883): *отец становится воином, чтобы его сын мог стать фермером, а сын его сына — поэтом*. Иначе говоря, в «прогрессивистской» формуле Т. Джефферсона изображена «смена поколений», как она могла бы совершаться, действительно, в «норме», или «идеально». Но реальность почти всегда не совпадает с «нормой», «идеалом», которые выступают тем не менее «регулирующим» и «ориентирующим» началом. В реальности поколения поджидает чаще всего иной сценарий — «динамика Будденброков».

После выхода романа Т. Манна «Будденброки. История гибели одного семейства» (1901) появилось устойчивое выражение «динамика Будденброков», которое как раз и описывает поколенческую деградацию когда-то могущественного семейства. Отец-основатель Иоганн Будденброк сделал карьеру на поставках зерна прусской армии. Ганно Будденброк — последний представитель рода, хрупкий молодой человек, болезненно погруженный в характерную манерность музыки эпохи декадентства и в этом пресыщении утративший трудолюбие, столь необходимое для подлинной музыкальной культуры.

Своеобразным философским эхом, отражающим этот феномен, представляется обобщение Л. Шестова: «Праздность [...], и именно праздность [...] вольная, сознательная, презиравшая всякий труд праздность, есть характернейшая черта нашего времени, — разумеется, я говорю о высших, обеспеченных классах общества, об аристократии духа» (Шестов 1971: 35). В том же духе опять же Л. Толстой в своей характеристике культурной деградации декадентствующего поколения писал: «Чем занимаются?! Чем занимаются?! И это литература? Вокруг виселицы, полчища безработных, убийства, невероятное пьянство, а у них — упругость пробки [имеются в виду стихи И. Северянина «Вонзите штопор в упругость пробки. // И взоры женщин не будут робки!». — А. Щ.].».

Конечно, социум, в конце концов, как-то справляется с опасностью, заложенной в «динамике Будденброков», и, в частности, самосохранение «фамильного капитализма» остается существенной чертой и современного бизнеса. «В Западной Европе, согласно одному исследованию, 44% из более 5 тыс. фирм в 13 странах находятся под семейным контролем. В списке Fortune-5000 19% находятся под семейным контролем» (Климов 2015). Однако как только общество оказывается затронутым структурным и институциональным кризисом, то явление, очень похожее на «динамику Будденброков», становится небезопасным спутником такого социума. В новейшей экономической истории России социологи отмечают тот факт, когда поколение «детей» уже часто не склонно продолжать удачный бизнес своих родителей. «Уровень потребностей и амбиций у детей в состоятельных семьях в большинстве случаев как минимум на порядок ниже, чем у отцов. В личных беседах только единицы называют в качестве желаемого уровня финансового благополучия уровень, сравнимый с родителями, — и для его обеспечения нет необходимости брать на себя ответственность и обязательства, связанные с управлением крупным сложным бизнесом [...] [«Самореализация»] представителей второго поколения капиталов [имеет] мало общего с российским бизнесом их родителей» (Шпак, Анищенко, Мисютина 2019).

Разрыв поколений и угроза цивилизационной непрерывности

Если в смене поколений заложена опасность разрыва цивилизационной непрерывности («отцы виноград ели, а у нас оскомины»), то естественный интерес социолога состоит в понимании того, какими возможностями располагает социум, чтобы противостоять подобной опасности. Эта постановка вопроса возвращает нас к теме «онтологической сущности / природы» человеческого поколения.

При такой постановке вопроса легко допустить, что эта сущность и природа всякого поколения сводится к тому, что любое поколенческое сообщество видит свое собственно человеческое существование не во всякой среде обитания (*milieu*), а в такой, по поводу которой такие мыслители, как, например, Гегель, всегда употребляют значимое выражение — «чувствовать себя как дома». При этом требование объективности никуда не девается и имеет не менее значимую силу, что буквально должно означать, насколько всякое «новое» поколение отвечает потребностям и задачам социума на его данном историческом этапе? В последнем случае для всякого «поколения» вариантов, собственно, два. Либо в результате «культурного декаданса» поколение «детей» вырождается до непереносимой неадекватности «текущему моменту», и тогда ситуацию «спасают» другие силы, как правило, с характерной установкой на варварскую неприхотливость. Либо поколение «детей», наоборот, поднимается до понимания социальной и исторической «повестки дня» («я ль буду ... подражать тебе, изнеженное племя переродившихся славян»), и тогда такое «поколение» сохраняет верность цивилизационному призванию, а сам феномен «смены поколений» получает свой позитивный, онтологический смысл.

В порядке иллюстрации первой «опции» Т. Шанин приводит рассуждения, идущие еще от Ибн Халдуна (XIV в.), о том, как работает «поколенческая причинность» на Востоке. Конкретно речь идет о династиях бедуинов, их переходе с воинственного на оседлый образ жизни в завоеванных городах, далее к материальному обогащению и неизбежной утрате воинского духа с последующим завоеванием их новыми пустынными племенами (Шанин 2005: 20). В самом общем виде этот сценарий «поколенческой смены» относится к лукрециевской картине мира: «нынче к упадку идут времена».

Неудивительно, что в этом случае встает неслабый и парадоксальный вопрос: не является ли упадок цивилизации (децивилизация) обязательным условием последующего возвращения к цивилизации, и не слишком ли такой маршрут оказывается рискованным и варварским — ведь

децивилизация может оказаться необратимо затянувшимся, а значит, более устойчивым состоянием, чем цивилизация? И не рождается ли перед лицом такой опасной «перспективы» сверхзадача и супермиссия всякого поколения по предотвращению такой, с позволения сказать, «перспективы». Иначе говоря, если признать, что значительный исторический период общество существует именно в таком негарантированном и незастрахованном состоянии (в терминах У. Бека, это случай «общества риска»), то спрашивается, не должна ли в дальнейшем «непрерывность цивилизации» обеспечиваться не ожиданием «пользы» от децивилизации и неоварварства, а скорее опорой на «текущее» поколение, точнее, на его внутренние и неизрасходованные ресурсы и возможности, на его политическую волю и способность держаться за «онтологический минимум» цивилизованности.

В чем состоит преемственность поколений?

«Легендарная» М. Мид была протагонистом «проспективной» (устремленной в будущее) модели поколения, когда старшие поколения учатся у младших. (Известно, что знаменитый культурный антрополог стала жертвой собственного увлечения, что чуть ли не умышленно приписала традиционному укладу племен Самоа (1920-е гг.) либерально-современные черты сексуального поведения.) Под углом прорыва в будущее поколенческий конфликт часто так и рассматривается. Американский социолог Л. Фойер считает, что данный конфликт «является универсальной темой человеческой истории. Он основывается на самых изначальных чертах человеческой природы и является, может быть, даже более важной движущей силой, чем человеческая борьба» (Фойер).

Однако выпячивание лидирующей роли молодежи в «проспективной» модели едва ли релятивно даже для «современного» общества. Достаточно вспомнить дискуссию Ю. Левады и В. Ядова с Т. Шаниным на эту тему, где позиция первых выглядела заметно более предпочтительной. В этом же смысле можно напомнить вышеприведенные аргументы в пользу того, что активная, то есть субъектная, позиция молодежи — вещь очень проблематичная, особенно в недемократических странах, когда дело касается молодежного самоутверждения в сфере власти и гражданских свобод. Здесь наблюдается доминирование старшего поколения, с одной стороны, и конформизм — с другой.

Кроме этих эмпирических свидетельств есть и фундаментально-онтологические причины говорить не только об экзистенциальных последствиях «разрыва поколений», но и о необходимости преодоления этого разрыва и ценности «преемственности» смежных поколений. Если

у К. Мангейма теория поколений, которая строится на базе концепта и заботы о «единстве генераций» (для чего автор много рассуждает о «социализации» подрастающего поколения), кажется мотивированной «идеологически», то в дальнейшем о «преемственности поколений» говорят и в более трезвых и не лишенных гуманности терминах. В частности, обращает на себя внимание концепция «межпоколенческой справедливости». Речь идет о том, что социально-экономические и экологические возможности для будущих поколений должны быть как минимум такими, как и у теперешнего поколения (Шавеко 2022).

В эпоху, когда человеческая цивилизация подвергается испытанию на прочность в противостоянии сайентизации (цифровизации) и просто варваризации и антикультуре, именно забота о сохранении и преемственности цивилизационных и человеческих достоинств в культурном арсенале всякого следующего поколения, — именно это старание и составляет один из главных мотивов «диалога поколений» (И. Б. Романенко). Надо сказать, что сегодняшние тревоги такого рода небеспрецедентны. И. Тургенев, задавший формат «Отцы и дети», представлял «разрыв» поколений достаточно пронизательно, а именно тоже под этим углом. Главное состояло не в преимуществе от обладания «новым», естественно-научным знанием у «современного» ему поколения и дефицита этого «знания» у «отцов». Речь шла, конечно, о другом. Речь шла о присутствии «сентиментализма», «романтизма», «культурности», в конце концов, у старших и отсутствии такового у младших. Для русского писателя именно культура была «содержанием». В этом был свой глубокий смысл, и Тургенев переживал утрату этого «содержания» в лагере «нового» поколения. Он выразил дихотомию «отцов» и «детей» следующим эпиграфом: «Отцы — содержание без силы [если считать, что только «знание — сила». — *А. Ш.*], дети — сила без содержания». Правда, в текст романа этот эпиграф не вошел. Как бы то ни было, но, похоже, определение «нового поколения» как «сила без содержания» имеет свой провидческий смысл.

Поколения, вступающие в цифровую среду обитания

Удручающий момент во многих современных «поколенческих концепциях» состоит в том, что в них по-настоящему не отрефлексирован в «человеческих» терминах характер того вызова, который формирует *modus vivendi* и *modus operandi* поколения, рожденного в атмосфере этого вызова. Ведь одно дело, когда молодежь вступает в жизнь в обстановке кризиса или катастрофы, необходимость и формы борьбы с которыми очевидны или почти очевидны. Такова, например, жизнь в условиях жестокой диктатуры или экологической трагедии. И совсем другой случай,

когда мы имеем дело с вызовом, который скорее и не воспринимается как нечто «ужасное» и несовместимое с «природой» человека. Понятно, что речь идет о той «мягкой» (soft) силе, которая сегодня представлена «цифровой технологией». Биотехнологии и соцсети — вот два входа в мир «постчеловеческой» реальности, где «искусственное» вытесняет «естественное». Вступать в этот мир есть род искушения, стоящего перед чередой новых поколений. Здесь нужен свой *vade tecum*, свой проводник-спутник, который прокладывает маршрут под знаком различия между «достаточным» и «необязательным», под знаком вольтеровского императива: «Пользуйтесь, но не злоупотребляйте!» В историю входят те поколения, которые ориентируют социум как бы «из подлинного будущего», а не «из плохо читаемого настоящего».

Но дело даже не в том, что «профиль» поколения детерминируется задачами и характером будущего, которое бросает вызов социуму на любом данном его этапе. Если поколение называется «потерянным» или «молчаливым», то это значит, что эта генерация является не столько субъектом и творцом, сколько объектом и жертвой обстоятельств. И собственно поколение «начинается» в этом случае только с момента появления в нем представителей, олицетворяющих «фермент» сопротивления и борьбы с этими «обстоятельствами».

Два известных американских социолога, В. Штраус и Н. Хоув, авторы «теории человеческих генераций» (Strauss, Howe 1991), начинали с того, что исходили из предметных обозначений исследуемых поколений. В частности, для периода конца XIX и первой половины XX столетий это были: «Потерянное поколение» (1883–1900), «Великое поколение» (1901–1927), «Молчаливое поколение» (1928–1945), «Бэби-бумеры» (1946–1964). В этих названиях мы видим так или иначе ориентацию на субъектность поколений — их активную или пассивную роль в понимании и жизнеустройстве в своем времени соответствующих периодов истории. А дальше этот принцип классификации поколений забуксовал. Социологи отказались от предметной, экзистенциальной, а тем более онтологической классификации поколений. Дальше пошла «нумерация» сначала с помощью латинского алфавита: поколение X, поколение Y, поколение Z, а еще дальше господ социологи пожелали перейти на греческий букварь: самое свежее — поколение Альфа и вырастающие на горизонте: поколение Бета, Гамма et cetera.

Это бегство от бескомпромиссного «содержательного», «субъектного» принципа классификации в тихую гавань «алфавитной нумерологии» выглядит сегодня очередным грехом постмодернистской методологии в теперешней социологии. Злой критик современного ему «модернизма / позитивизма» в науке называл этот грех «обезмуженным

косоглазием». Но от жизненной повестки дня, как говорится, не уйдешь и не спрячешься под маской любой наукообразности. Не нужно софистически усложненной социологии, чтобы зафиксировать кричащую очевидность «социальной», «экзистенциальной» и вообще «онтологической» утраты в этой «нумерологии» поколений.

В наблюдаемой картине обретений и утрат в «календаре» поколений: на каждый шаг вперед — два шага назад. *С одной стороны*, новые поколения одно за другим демонстрируют те потребности, качества и т. д., которые могут быть отнесены к онтологически значимым, которые скорее соответствуют подлинности человеческой природы и человеческого бытия. Их отличает не только финансовый интерес к современным профессиям, но и сам смысл и творческое содержание работы. Наблюдается вполне адекватный уровень иронии не только к окружающим, но и к самим себе. Наблюдаемый у них «гедонизм» носит, как правило, не столько материальный, сколько «постматериальный» (Р. Ингельхарт) характер (путешествия, досуг, общение и проч.). Вместе с тем, *с другой стороны*, на фоне ярко выраженной, так сказать, «компьютерной фамиллярности» новые поколения собрали целый букет ослабленных «социальных», «характерологических» и просто «психологических» качеств, отвечающих за жизнеустойчивость личности. Здесь и «склонность оттягивать переход во взрослую жизнь на более длительный срок»; и «болезненная забота о своей частной жизни: фокус решения проблем смещен в личное пространство даже тогда, когда осознается их глобальная природа»; и «не умеют думать на большую перспективу»; и тот факт, что они «легко мнутяся» под первой тяжестью социального давления или тяжелой жизненной ситуации; равно как сокращение реальных контактов (некомпенсируемое контактами виртуальными) влечет за собой эмоциональную бедность и сокращение почвы для жизненного опыта (Щелкин 2022: 17–18).

Когда перечитываешь этот список далеко не позитивных человеческих последствий для социума, вступающего в зону «цифрового триумфа», поневоле возникает законный вопрос: неужели это тот случай, который описывается старой и фатальной формулой — «За всё надо платить»? Увы, нет облегченного и счастливого ответа на этот вопрос. «Страницы истории — это совсем не страницы счастья», — сказал философ, неоднократно здесь упоминаемый. Действительно: за многое, если не все, надо платить. Так оплачивались в том числе и успехи цивилизации. Причем хорошо конвертируемой валютой самой этой цивилизации. У социологов это называется «децивилизацией», у историков — более привычно: «варваризацией» жизни. Уступив завоевание в одном месте, цивилизация берет реванш в другом. В нашем случае: пожертвовав

списком «человеческих качеств» у субъектов поколений X, Y, Z, Alfa, Beta, Gamma, общество «триумфально» прорывается в «цифровое будущее», где оно должно определиться со своей гуманитарно-онтологической составляющей. По словам, приписываемым К. Леви-Строссу, «XXI век будет гуманитарным или его вовсе не будет».

Сегодня действительно многие западные и отечественные социологи сводят проблему «отцов» и «детей» к рационально-«цифровой» компетентности вторых и некомпетентности первых. Очевидно, что подобный технокентристский дуализм «отцов» и «детей» исчезнет (исчезает) сам собой, но человеческий, онтологический и, опять же, цивилизационный смысл сосуществования «отцов» и «детей», безусловно, намного шире и имеет касательство прежде всего к условиям сохранения именно гуманитарной репутации социума. В этом плане внимание социологов поневоле должен привлекать вопрос, какую цену приходится платить «потребительскому» поколению за обретение ИТ-компетенции в «цифровом обществе». Между тем мы можем наблюдать в социологии род своеобразной беспечности, когда всякое «новое» и «продвинутое» поколение принимается за некую самостоятельную субъектность, которая может так или иначе претендовать на портрет целого исторического этапа современного общества.

Конечно, не подвергая сомнению роль «искусственных средств» в жизни людей (будь то хрестоматийные «орудия труда» или компьютерные «нейросети»), можно постулировать как аксиому: человеческое Я нередуцируемо до статуса «искусственного» образования, оно по мере той же биороботизации просто в качестве *ultima veritas*, высшей истины, отодвигается на более достойное место. Не отождествление, а отличие «искусственного» от «естественного» так же безусловно, как, скажем, «разделение властей» в сфере политики. Что же касается модного постмодернистского воззвания к «переопределению» фундаментальных понятий, как мы это недавно наблюдали в истории с «гендерным переопределением», то алогичность последнего очевидна, кажется, и самим инициаторам, радикальным феминисткам. Сегодняшний «трансгуманизм» делает ошибку онтологического порядка.

У. Голдингом в мрачной утопии «Повелитель мух» описан мир «без взрослых». В «цифровой» повседневности этот «мир» девиантен по своему: из мести выкладывают доверительную видеоинформацию, распространяют «компромат» на выбранную жертву и преследуют ее, часто доводя подростка до суицида, и т. д. Если такое «поколение обладателей айфонов» становится отцами детей, погружающихся в «искусственный» и «герметичный» мир «цифры», то на извечный вопрос «*Quo vadis?*»

можно с известной ностальгией сказать, что движущего конфликта по имени «отцы и дети» больше не существует: по принципу — «что отцы, что дети».

И это не тот случай социальной стабильности общества, который мы связываем с исчерпанием подлинных конфликтов. Дж. Твенге в своей недавней работе «Поколение обладателей айфонов» на неизбежный вопрос «что делать?» дает ответ, на который напрашивается законный вопрос: «а как это сделать, чтобы не испортить и без того критическую ситуацию?». Рецептов немного: «всего два» — самоограничение и понимание происходящего (Твенге 2021). В общем-то приходится солидаризироваться и с этим выводом, если только «самоограничение» не ассоциируется с некоей практикой «неолуддизма», а, напротив, имеет в виду, что «самоограничение» есть отличительный признак самой цивилизации.

Источники

Герцен А. Былое и думы // Собр. соч.: В 8 т. — Т. 5. — М.: Правда, 1975. — 383 с.

Климов И. «Пап, дай миллиард»: почему бизнесмены не спешат отдавать своё дело детям // Телеканал РБК [Электронный ресурс]. — 2015. — URL: <https://www.rbc.ru/opinions/business/13/05/2015/554222279a79474261efcf05> (дата обращения: 28.07.2023).

Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. — М.: Новое литературное обозрение, 2005. — 328 с.

Парсамов В. Декабристы и русское общество 1814–1825 гг. — М.: Алисторус, 2016. — 464 с.

Твенге Дж. Поколение I. — М.: Рипол-Классик, 2021. — 408 с.

Фойер Л. Конфликт поколений. Характер и значений студенческих движений. — URL: http://www.jeducation.ru/3_2005/100.html (дата обращения: 28.07.2023).

Шавеко Н. А. Межпоколенческая справедливость [Электронный ресурс]. — 2022. — URL: http://samlib.ru/s/shaweko_n_a/lekcija6mezhpokolencheskajasprawedliwostx.shtml (дата обращения: 28.07.2023).

Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. — Paris: YMCA-PRESS, 1971. — 302 с.

Шпак А., Анищенко А, Мисюткина В. Разрыв между поколениями. — 2019. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.skolkovo.ru/news/razryv-mezhdu-pokoleniyami-2/> (дата обращения: 28.07.2023).

Щелкин А. Г. «Отцы и дети» — социологический портрет в онтологическом интерьере // Петербургская социология сегодня. — 2022. — № 18. — С. 5–34.

Strauss W., Howe N. The History of America's Future, 1584 to 2069. — New York: Morrow, 1991. — 538 p.

References

- Fathers and Sons: Generational Analysis of Modern Russia*. Comp. Y. Levada, T. Shanin. Moscow, NLO, 2005, 328 p. (In Russ.)
- Feuer L. *The conflict of generations. The character and significance of student movement*. URL: http://www.jeducation.ru/3_2005/100.html (access date: 28.07.2016). (In Russ.)
- Gertsen A. Past and thoughts. *Collected works*: in 8 volumes, vol. 5. Moscow, Pravda, 1975, 383 p. (In Russ.)
- Klimov I. Dad, give me a billion. Why they are not in a hurry to give their business to children. *RBC Channel*, 2015. URL: <https://www.skolkovo.ru/expert-opinions/pap-daj-milliard-pochemu-biznesmeny-ne-spushat-otdavai-svoe-delo-detyam/> (access date: 28.07.2023). (In Russ.)
- Parsamov V. *Decembrists and Russian society 1814–1825*. Moscow, Alistorus, 2016, 464 p.
- Shaveko A. N. *Intergenerational justice*. URL: http://samlib.ru/s/shaweiko_n_a/lekcija6mezhpokolencheskajasprawedliwostx.shtml (access date: 28.07.2023). (In Russ.)
- Shcelkin A. G. “Fathers and children” — a sociological portrait of generations in an ontological interior. *St. Petersburg Sociology Today*, 2022, no. 18, pp. 5–34. (In Russ.)
- Shestov L. *Apotheosis of groundlessness*. Paris, YMCA-PRESS, 1971, 302 p. (In Russ.)
- Shpak A., Anishchenko A., Misyutina V. *Generation gap*. URL: <https://www.skolkovo.ru/news/razryv-mezhdu-pokoleniyami-2/> (access date: 28.07.2023). (In Russ.)
- Strauss W., Howe N. *The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York, Morrow, 1991, 535 p.
- Tvenge J. *Generation I*. Moscow, Ripol-Klassik, 2021, 408 p. (In Russ.)

Щёлкин Александр Георгиевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Санкт-Петербург, Россия.
evropa.ru@gmail.ru

Shcelkin, Alexander G., Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia.
evropa.ru@gmail.ru